

Лю Цинсянь замер, поражённый неожиданной вестью:

— Главный герой так быстро зачистил подземелье?

Дао Сяово и Инь Сюань сразу заметили его замешательство и с сомнением переглянулись. Цинсянь поспешил принять невозмутимый вид и как ни в чём не бывало продолжил трапезу. Лишь вернувшись на пик Линсюэ и плотно закрыв за собой дверь, он позволил себе вызвать Систему для серьёзного разговора.

Система вывела перед его глазами таблицу с баллами:

[Текущий баланс: 100 000 баллов. Доступно: обмен на «Рецепт переплавки Небесного демона» или снятие баффа «Бесполезный корень духа».]

Лю Цинсянь невольно усмехнулся:

— Сдаётся мне, ты всеми силами пытаешься отговорить меня от рецепта, используя политику кнута и пряника?

Система на мгновение замолчала, а затем донёсся тяжёлый, почти человеческий вздох:

«В первой жизни я был свидетелем твоего прохождения. Ты отдавал всего себя, выворачивал душу ради других, а в итоге остался преданным всеми и покинутым. Хозяин, неужели ты искренне считаешь, что это того стоит?»

Цинсянь не ожидал от своего ИИ такой эмоциональности и на секунду замялся.

Система продолжила, и в её голосе зазвучало предостережение:

«Если миссия во второй жизни провалится... Хозяин, я уже предупреждал о последствиях».

Лю Цинсянь улыбнулся, и в его взгляде промелькнула твёрдость:

— Система, я знаю, что ты заботаешься о моей безопасности. Но прошу, доверься мне хотя бы раз. Сюань совсем не похож на Син Яньчжу. Дай мне время, и я докажу это. В конце концов, практика — единственный критерий истины, верно?

Раз уж он заговорил философскими постулатами, Системе не оставалось ничего иного, кроме как смириться.

«Так ты намерен совершить обмен?»

Воспоминания о боли, которую приносил механизм наказания, заставили Цинсяня содрогнуться, но он решительно кивнул:

— Меняй. Сейчас же.

Раздалось бесстрастное системное уведомление:

[Использовано 100 000 баллов для получения «Рецепта переплавки Небесного демона». Механизм наказания будет запущен через три секунды.]

«Три».

Перед глазами Цинсяня вспыхнул золотистый свет, и из пустоты материализовался пожелтевший пергамент, отливающий фиолетовым.

«Два».

Он потянулся рукой, чтобы схватить рецепт.

«Один. Механизм наказания активирован».

Едва голос Системы затих, Цинсянь задел рукой чайную чашу. Та со звоном опрокинулась, а сам он, обессиленный, рухнул на колени.

«Чёрт возьми! Система!.. Почему в этот раз так больно?!»

Казалось, по каждой жиле изнутри прошлись раскалёнными иглами, сдирая плоть и выпуская кровь. Мучительная волна агонии хлынула из глубины тела к самой коже, взрываясь невыносимой вспышкой, от которой невозможно было скрыться. Цинсянь хотел кричать, но спазм сковал горло. Он лишь беззвучно задыхался, свернувшись калачиком на полу, пока слёзы непроизвольно катились по щекам.

Система попыталась вернуть себе холодный тон:

«Я же предупреждал. Ты сам не пожелал слушать».

Боль. Настоящая, осязаемая пытка.

Лю Цинсянь лежал на холодном полу, судорожно хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. В памяти всплыли слова Системы о том, что наказание продлится всю ночь. На миг его охватило отчаяние: сможет ли он вообще дожить до рассвета?

— Шицзюнь!

Голос Инь Сюаньи донёлся от двери. Перед глазами Лю Цинсяня всё плыло, и сквозь пелену слёз он видел лишь смутный, дрожащий силуэт. Увиденное едва не лишило Сюаньи рассудка — он бросился к наставнику и бережно подхватил его на руки. Усадив учителя и прижав его голову к своему плечу, юноша в панике зашептал:

— Шицзюнь, что с вами? Вы ранены? Где болит?

Цинсянь не мог вымолвить ни слова. Новая волна боли захлестнула его, заставив до крови закусить нижнюю губу. Тонкая красная струйка потекла по подбородку.

— Шицзюнь, не надо, не кусайте себя! — В отчаянии Сюаньи подставил пальцы, вкладывая их в рот наставника.

Сознание Лю Цинсяня окончательно помутилось, и он, не раздумывая, с силой вонзил зубы в плоть ученика. Тот даже не вздрогнул. Почувствовав, как дрожит тело в его руках, Инь Сюаньи тихо спросил:

— Шицзюнь, вам холодно?

Ответа не последовало. Потеряв голову от беспокойства, юноша крепче обнял учителя, стараясь согреть его своим теплом. Одежда на плече Сюаньи быстро пропиталась потом и слезами.

— Я позову шишу Пэя! — Сюаньи потянулся за бумажным талисманом для передачи сообщений.

— Не надо... — Цинсянь из последних сил перехватил его руку. — Он не поможет. Не стоит тревожить его понапрасну. — Он бессильно прислонился лбом к ключице ученика. — Всё в порядке... Мне просто нужно переждать ночь.

— Как это может быть в порядке?! — Сюаньи стиснул зубы и, подхватив Цинсяня на руки, перенёс его на кровать. — Шицзюнь, я помню, что такие приступы уже случались раньше. Неужели это...

Его голос задрожал от подступающего ужаса:

— Неужели это из-за того, что я съел вашу пилюлю возвращения весны? И теперь вам нечем лечиться?

«О чём только думает этот паршивец!»

У Цинсяня не осталось сил на долгие объяснения. Чтобы прекратить эти домыслы, он рывком притянул Сюань к себе на постель и, удерживая его, прерывисто выдохнул:

— Не смей... выдумывать глупости!

Теперь они были совсем близко. Кончики их носов почти соприкасались, и они делили на двоих спёртый воздух тесного пространства, чувствуя влажное дыхание друг друга на коже. Выговорив последнее предупреждение, Лю Цинсянь окончательно лишился сил и впал в забытьё, уткнувшись в грудь ученика.

Он тяжело дышал с полужакрытыми глазами, не подозревая, какую бурю вызвал в душе Инь Сюань этот мимолётный жест. Дыхание юноши перехватило, а рука на талии наставника предательски задрожала. С тех пор как он переступил порог ордена, они никогда не были так близки. В детстве объятия учителя казались ему самым надёжным и тёплым местом в мире, но теперь, познав законы взрослой жизни, он чувствовал лишь мучительную, иссушающую горло жажду.

Сюань вздрогнул, словно от удара, и больно прикусил губу, пытаясь отрезвить себя этой вспышкой боли.

«Жизнь Шицзюня в опасности, а о чём я думаю?! Это же... кощунство!»

Собравшись с мыслями, он вновь прошептал:

— Шицзюнь, вам всё ещё холодно?

Лю Цинсянь, пребывая в полубреду, едва уловив смысл вопроса, слабо кивнул. Сюань опустил взгляд:

— Тогда... этот ученик согреет вас.

С этими словами он бережно обнял учителя, прижимая его к себе ещё крепче, и коснулся подбородком его макушки. Его пальцы невольно соскользнули на запястье наставника, инстинктивно поглаживая древний узор тотема. Издав долгий, полный тоски вздох, юноша прошептал в пустоту:

— О, если бы я мог забрать все ваши страдания себе...

Лю Цинсянь больше не отвечал. Он лишь чувствовал некое тепло, обволакивающее его тело, словно тусклый свет светильника в кромешной тьме, приносящий долгожданное облегчение.

На следующее утро Лю Цинсянь проснулся с такой ломотой в теле, будто его всю ночь поджаривали на медленном огне. Не в силах пошевелиться, он лежал на кровати, чувствуя себя вяленой рыбой, и первым же делом обратился к Системе:

«Твоё наказание едва не отправило меня на тот свет».

Система лишь холодно хмыкнула в ответ:

«А мне показалось, тебе было весьма уютно».

Не поняв сарказма и решив, что это обычная издёвка, Цинсянь промолчал. С трудом сев на постели, он бросил взгляд на стол и похолодел:

— Где мой рецепт?!

Система недовольно цыкнула:

«Не ори. Твой ученик его забрал».

Лю Цинсянь в панике заметался по комнате:

— Зачем он ему понадобился?!

«Утром он уже успел отчитаться перед главой ордена. Сказал, что отправляется на досрочную тренировку вниз с горы. Прихватил твой рецепт и ушёл. Сам подумай — ради чего?»

Постепенно до Цинсяня начал доходить смысл происходящего. Вероятно, Сюаньи, увидев его ночные мучения, решил, что записи на столе — это рецепт лекарства для самого учителя. И теперь он в спешке отправился искать ингредиенты.

Лю Цинсянь не знал, плакать ему или смеяться. На душе было и горько, и тепло.

— Я ведь даже не успел прочитать, что там написано.

Ещё с первой жизни он знал, каков Инь Сюаньи: он из тех, кто молча делает дело и так же молча уходит, когда наступает срок. Цинсянь и сам не мог понять, что в этом характере злило его больше, а что вызывало невольное восхищение.

С того дня Инь Сюань почти всё время проводил у подножия горы, возвращаясь лишь в те дни, когда должна была сработать очередная кара Системы. Лю Цинсянь так и не разгадал секрет, как ученику удалось вычислить периодичность этих приступов.

Так, в разлуках и коротких встречах, пролетели ещё два года. Накануне очередной церемонии определения судьбы Инь Сюань, измотанный долгой дорогой и покрытый дорожной пылью, наконец вернулся в орден. Он один за другим выложил на стол собранные за это время редкости.

— Огненный кристалл из древней гробницы, трава Цзянсян, перо предсмертного ворона, руда Медной горы... Всё это удалось разыскать. Но эти два ингредиента, служащие основой, а также сосуд для переплавки — о них у меня нет ни малейшего представления.

Цинсянь взял пергамент, чтобы проверить список. Увидев выведенное крупными буквами название «Башня падения демонов», он мысленно усмехнулся: «Глупый ребёнок, в этой башне не лекарства варят. В ней должны переплавить тебя самого».

Он специально позволил Сюань верить, что это рецепт его исцеления. Это не только избавило юношу от лишних тревог за здоровье наставника, но и ускорило сбор редких материалов. Оставшиеся же артефакты мог найти только тот, кто знал сюжет книги.

Башня падения демонов упоминалась в оригинальном романе как главная реликвия дворца Данься, расположенного в центральных землях. Лю Цинсянь помнил, что в тексте ей прочили великую роль, но в итоге автор обленился и просто сжёг дворец Данься в одной из глав, после чего судьба башни осталась неизвестной. Цинсянь рассудил, что Данься — орден праведный, и если договориться с ними заранее, то одолжить артефакт на время будет несложно. Главное — успеть до того, как дворец обратится в пепел.

Но самым срочным делом был...

Он взглянул на строчку «Сеть Сэнло Цянькунь» — и его глаза радостно блеснули. Какая удача! Ведь именно этот артефакт спрятан в тайном царстве Чжуолун!

В первой жизни Цинсянь не вмешивался в события этой арки, но по книге знал: Син Яньчжу и Инь Сюань столкнутся там в жестокой схватке. В итоге Син Яньчжу из-за обузы в виде нерадивых соучеников упустит победу, и Сеть Сэнло Цянькунь достанется Сюань. Однако теперь, раз уж эта реликвия изначально не была предначертана Син Яньчжу судьбой, то...

Цинсянь обернулся к ученику:

— В этот раз ты обязан участвовать в испытании тайного царства Чжуолун.

Сюань даже не спросил «почему». Он лишь решительно кивнул:

— Я не подведу ожиданий Шицзюня!

Вспоминая грядущие события, Лю Цинсянь впервые за долгое время почувствовал небывалый азарт. Группу в тайное царство возглавят двое наставников. В прошлый раз он остался в стороне, но теперь... Ради очищения Небесного демона он приложит все усилия!

<http://bllate.org/book/17557/1711585>